

СРАВНИТЕЛЬНЫЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

МЕЛВИН КОН,

Университет Джона Хопкинса

ВОЙЦЕХ ЗАБОРОВСКИЙ,

Польская Академия наук

КРИСТИНА ЯНИЦКА,

Польская Академия наук

БОГДАН МАХ,

Польская Академия наук

ВАЛЕРИЙ ХМЕЛЬКО,

Национальный университет “Киево-Могилянская Академия”

КАЗИМЕЖ СЛОМЧИНСКИЙ,

Университет штата Огайо

КОРИ ХЕЙМЕН,

Университет Джона Хопкинса

БРЮС ПОДОБНИК,

Колледж Люиса и Кларка

Сложность деятельности и личность в условиях радикальных социальных изменений: сравнительный анализ Польши и Украины

Abstract

In a comparative analysis of Poland and Ukraine, we extend the often-confirmed hypothesis that the substantive complexity of work in paid employment substantially affects (and is affected by) fundamental dimensions of personality. The extended hypothesis encompasses not only the complexity of work, whether in paid employment or in the household, but even the complexity of activities of the unemployed and pensioners. We hypothesize that the complexity of activities in any important realm of life is substantially related to personality. We test this hypothesis under conditions that pose a particularly exacting test — conditions of radical social change. We find that complexity of activities in all these realms is substantially and significantly related to intellectual flexibility, self-directedness of orientation, and a sense of well-being or distress for both men and women. The consonance of these findings with those of earlier longitudinal and simulated longitudinal analyses of the complexity of work and personality strongly implies that the relationships of the complexity of activities and personality are similarly reciprocal, even if the activities are not ordinarily thought of as “work”.

На сегодня надежно установлено — не только в Соединенных Штатах [1; 2], но и, по крайней мере, в одной социалистической стране (Польша, 1978 [см.: 3]) и одной незападной капиталистической стране (Япония [см.: 4; 5; 6; 7]), — что содержательная сложность труда в сфере оплачиваемой занятости существенным образом связана с личностными характеристиками и мужчин, и женщин¹. Исследование, недавно проведенное в Колумбии [9], подтвердило, что подобная связь между содержательной сложностью труда и особенностями личности проявляется как в официальном, так и в теневом секторе экономики этой промышленно малоразвитой страны. Для Соединенных Штатов имеются также данные о том, что сложность труда по дому имеет существенное значение для личностных характеристик женщин, как занятых, так и не занятых в сфере наемного труда [10]; и что сложность учебной деятельности подобным же образом связана с личностными характеристиками старшеклассников и студентов [11; 12].

Все эти исследования были проведены в условиях несомненной социальной стабильности. Есть также данные о том, что связь между содержательной сложностью труда в сфере оплачиваемой занятости и основными личностными характеристиками настолько же сильна для работаю-

¹ Исследования Дж. Мортимер и ее сотрудников, касающиеся мужчин в начале их карьеры и старших школьников в их частичной занятости [23], подтверждают и дополняют эти выводы, хотя и на основе субъективных аналогий относительно реальных условий работы. Обзоры других имеющих отношение к теме исследований, проводившихся в Соединенных Штатах и других странах, см. в [2, гл. 12; 3, гл. 9].

щих мужчин и женщин в Польше и Украине в условиях радикальных социальных изменений, как это было в свое время и в социалистической Польше, и в Соединенных Штатах, и в Японии [13].

Мы принимаем как установленный факт, что содержательная сложность труда в сфере оплачиваемой занятости имеет для личности существенное значение. Данные, хотя и только в пределах Соединенных Штатов, наводят на мысль о том, что содержательная сложность труда вне сферы оплачиваемой занятости — в домохозяйстве и в обучении — может иметь для личности такое же значение.

Предлагаемое обобщение и проверка гипотезы

В этой статье мы обобщаем концептуализацию сложности, чтобы включить не только *труд*, то ли в сфере оплачиваемой занятости, то ли в других сферах, но также и деятельность людей в нетрудовых сферах. Наш тезис заключается в том, что сложные виды деятельности в любой психологически значимой сфере жизни, — независимо от того, рассматривается ли эта деятельность как труд, — оказывают глубокое воздействие на личность и, в свою очередь, испытывают влияние с ее стороны¹.

Основанием для нашей гипотезы о том, что сложность деятельности влияет на личность, служит простое обобщение объяснения М.Кона и К.Скулера, почему содержательная сложность труда в сфере оплачиваемой занятости для личности имеет существенное значение. Как писал об этом Кон в статье 1980 года, “в индустриальном обществе, где труд занимает центральное место в жизни людей, то, что люди делают на работе, непосредственно влияет на их ценности, их представления о себе и их ориентации по отношению к окружающему их миру — “Я делаю, следовательно, я существую”. Отсюда — занятие содержательно сложным трудом имеет тенденцию повышать оценку человеком своих способностей и своей самостоятельности, его интеллектуальный уровень (даже в занятиях на досуге) и его уверенность в том, что проблемы, с которыми он сталкивается в окружающем мире, разрешимы” [14, с. 205]. Заметим, что эта формулировка применима не только по отношению к интеллектуальной гибкости и самостоятельности ориентаций (и ее компонентам), но также и по отношению к тому основному измерению ориентаций, которое было наиболее проблематично в прошлых исследованиях — ощущению благополучия или несчастья, дистресса (*distress*) [3; 7]. Занятие содержательно сложным трудом должно бы усиливать ощущение благополучия, благодаря тому ощущению достижения, которое оно дает, и уверенности в том, “что проблемы, с которыми он сталкивается в окружающем мире, разрешимы”.

¹ Хотя такая экстраполяция формулировки, относящейся к сложности работы, на сложность деятельности может показаться слишком смелой, она блекнет при сравнении с интригующей гипотезой К.Скулера [25] о том, что влияние сложного окружения на интеллектуальные функции и самостоятельность ориентаций взрослых, детей, пожилых людей и даже животных созвучно воздействию содержательной сложности работы на взрослых людей в сфере оплачиваемой занятости. Экстраполируя обзор большого объема разнообразной литературы, К.Скулер находит для своей гипотезы весьма существенные подтверждения.

Не ставя под вопрос психологически центральное место *работы* для мужчин и женщин, занятых в сфере наемного труда, мы выдвигаем гипотезу, что сложность *видов деятельности*, обычно не считающихся работой, имеет подобное же значение для личностных характеристик незанятых наемным трудом. Как мы бы изложили это сейчас, занятие сложными видами деятельности — на работе или в любой другой важной сфере жизни — способствует повышению интеллектуального уровня человека, развитию самостоятельности его ориентаций и восприятию возникающих в жизни проблем как разрешимых. Мы даже предполагаем, что сложность деятельности настолько важна, что *величина* взаимосвязи между сложностью деятельности и личностными характеристиками будет почти такой же высокой для незанятой части населения, как и для занятой. Мы выдвигаем также гипотезу, что эти взаимосвязи отражают не просто склонность более образованных людей заниматься более сложной деятельностью, и не переносим влияние сложности труда, которым люди занимались ранее, на их сегодняшние личностные характеристики. *Коротко говоря, мы выдвигаем гипотезу, что для всех основных категорий населения сложность текущей деятельности людей имеет значимое, и даже существенное, отношение к их личностным характеристикам, независимо от их образовательного уровня и сложности их деятельности в предшествующей занятости.*

Мы подвергаем эту гипотезу крайне требовательной проверке: чтобы эти связи обнаруживались даже в условиях радикальных социальных изменений.

Вслед за Р.Вильямсом [15], мы рассматриваем социальные изменения как изменения в структуре общества, а не просто как богатый событиями или драматический период в жизни данного общества: “Изменения происходят, когда есть сдвиг в форме, когда появляются новые связи...” К *радикальным* социальным изменениям мы относим не темп изменений, а их природу: трансформацию одной политической и экономической системы в существенно иную. В период радикальных социальных изменений экономическое принуждение, неопределенность и ненадежность могут настолько нарушать ход жизни людей, что обычно глубоко значимые для личностных качеств условия жизни — даже сложность их деятельности — могут становиться гораздо менее важными, чем во времена большей стабильности. (Описание того, как радикальные социальные изменения нарушают даже те условия, от которых зависит проведение исследования, см.: [16].) Тем не менее, мы выдвигаем гипотезу, что влияние сложности деятельности на характеристики личности является настолько глубоким, что даже в условиях радикальных социальных изменений взаимосвязь сложности деятельности и личностных характеристик будет сильной для всех категорий населения.

Выбор стран для опроса

Для этих исследований мы проинтервьюировали репрезентативные выборки взрослых мужчин и женщин, проживающих в городских условиях в Польше и Украине в период перехода от социализма к формирующемуся капитализму. Польша — это единственная страна, подверженная радикальным социальным изменениям, царящим ныне в Восточной Европе и бывшем Советском Союзе, для которой есть подходящие данные времен социализма о взаимосвязи между содержательной сложностью труда и личност-

ными характеристиками. Таким образом, проведение повторного опроса в Польше является для нашего исследования стратегически основным. Украину мы изучали для того, чтобы отдифференцировать общие социально-структурные проявления от частных особенностей отдельной нации (обсуждение стратегий межнационального исследования см.: [16]). Опрос в Польше был проведен осенью и в начале зимы 1992 года, а в Украине — зимой 1992–1993 годов. Оба опроса проведены путем персональных интервью репрезентативных выборок из всех мужчин и женщин, проживающих в городских условиях. (Информацию о выборке и методах сбора данных см. в *Приложении*.)

Во время проведения опросов Польша явно продвигалась к некоторой форме рыночной экономики. Парламент к тому времени уже давно принял необходимые для такого продвижения законы; население в основном поддерживало такие преобразования — хотя и все более сдержанно. Развился активный частный сектор — главным образом малые предприятия, занятые преимущественно импортом и реализацией товаров, а не производством и экспортом, но тем не менее — энергичный частный сектор. Высокий уровень инфляции, характерный для самых ранних стадий переходного периода, стал контролируемым. Вместе с тем, впервые со времен Второй мировой войны появилась официально признанная безработица и замаячил призрак ее грядущего нарастания.

В Украине же было гораздо больше неуверенности в отношении возможной формы экономики. Политическая ситуация в это время все еще была неопределенной: парламент и правительство еще не приняли основных решений о том, какому типу экономики отдать предпочтение. Частный сектор совсем не был так развит, как в Польше, а безработица была скорее будущей угрозой, чем тогдашней реальностью. Инфляция была астрономической. Украинскую экономику того периода точнее было бы характеризовать как хаотическую, а не переходную.

Контрастно отличающиеся ситуации этих двух стран дают нам две отличные друг от друга возможности проверить взаимосвязи между сложностью деятельности и личностными качествами в условиях радикальных социальных изменений.

Определение положений людей в структуре

Мы определяем *положение в структуре* как охватывающее все пять основных категорий населения: мужчины и женщины, работающие по найму или самозанятые не менее 15 часов в неделю; не имеющие работы и ищущие ее (то есть безработные); пенсионеры, вышедшие на пенсию либо по старости, либо досрочно по собственному желанию или другим причинам, либо по состоянию здоровья; домохозяйки; студенты. Учитывая быстрый рост числа домохозяйек, из которых многие искали работу, в польском опросе мы ввели дополнительное различие домохозяйек, ищущих работу (“безработные домохозяйки”) и не ищущих ее (“простые домохозяйки”). Такое разграничение для Украины в то время не имело бы смысла, поскольку украинские женщины тогда не были вынуждены оставлять работу. Однако в украинском опросе выделялась категория женщин, находящихся в отпуске по беремен-

ности, родам и уходу за ребенком – женщин, чье материальное положение заметно отличалось от положения и работающих, и домохозяйек¹.

Измерения личности

В наших определениях связи между сложностью деятельности и личностными характеристиками мы постоянно старались измерять те же аспекты личности, что и при исследованиях в Соединенных Штатах, социалистической Польше и Японии. Включая в исследования Украину и переводя опросники на русский и украинский языки, для обеспечения сопоставимости смыслов и измерений мы использовали почти те же самые систематические процедуры, которые использовали Кон и Сломчинский [3, гл. 2] при распространении на Польшу исходного исследования, проведенного в США.

Ориентации по отношению к себе и обществу

Мы изучали следующие восемь измерений ориентаций.

Авторитарный консерватизм: представления о том, что является социально приемлемым; на одном полюсе — неуклонное подчинение диктату авторитетов и нетерпимость к неконформизму, на другом полюсе — непредубежденность.

Личностно ответственные нормы морали: континуум моральных позиций, от веры в то, что нравственное поведение состоит в строгом следовании букве закона и избегании беспорядков, до выработки и отстаивания своих собственных моральных норм.

Доверие: степень убежденности в том, что другим людям можно доверять.

Уверенность в себе: позитивный компонент самооценки — степень веры в собственные способности.

Самоосуждение: самокритичный компонент самооценки — степень уничижительного отношения к себе.

¹ В двух наших опросах использовались довольно разные методы разграничения наших респондентов по категориям. Для польского опроса мы спрашивали респондентов, работают ли они 15 или более часов в неделю в качестве наемных работников, самозанятых или каким-либо образом сочетают то и другое. Если они отвечали “да”, мы относили их к разряду работающих в сфере оплачиваемой занятости. Мы спрашивали мужчин, не занятых 15 или более часов в неделю, ищут ли они работу. Если они отвечали “да”, мы относили их к разряду безработных. Мы спрашивали женщин, не работающих 15 или более часов в неделю, считают ли они себя домохозяйками. В любом случае мы спрашивали, ищут ли они работу, так что у нас была возможность отличать “просто” домохозяйек от домохозяйек-“безработных”. Мужчин, не ищущих работы, и женщин, не ищущих работы и не считающих себя домохозяйками, мы спрашивали (в зависимости от их возраста), не являются ли они учащимися дневной формы либо пенсионерами. Нашлось совсем немного людей, не попадающих под одну из четырех категорий.

Для Украины, где в конце 1992–1993 г. официальная (формальная) безработица была еще очень мало распространена, мы просто спрашивали респондентов, работают ли они, ищут ли они работу, занимаются ли домохозяйством, учатся (в вузах), находятся на пенсии или же делают что-либо другое. Мы относили к разряду работающих в сфере оплачиваемой занятости только тех, кто ответил, что работает не менее 15 часов в неделю на каком-либо из своих мест работы. Если они отвечали, что работают, но не заняты как минимум 15 часов в неделю, мы спрашивали, не находятся ли они в отпуске по своему месту работы. Для прочих категорий мы целиком полагались на их самоидентификацию.

Тревожность: интенсивность осознанно ощущаемого психологического дискомфорта.

Фатализм: чувство подвластности внешним силам или — на другом полюсе — обладания некоторой властью над своей судьбой.

Восприимчивость к переменам: континуум от максимальной восприимчивости к инновациям и переменам до их максимального неприятия.

Индексы этих измерений ориентаций первого порядка мы заимствуем из работы М.Кона и др. [13, табл. А-1]. Все они основаны на конфирматорном факторном анализе. Все измерительные модели хорошо согласуются с данными, и все явно подобны для Польши и для Украины, как для мужчин, так и для женщин в каждой стране¹.

Следуя концептуализации М.Кона и К.Скулера [2, гл. 6], мы предполагаем, что за этими восемью аспектами ориентаций стоят два основных измерения: самостоятельность ориентаций в противоположность подчиненности внешнему авторитету и ощущение несчастья, дистресса в противоположность ощущению благополучия. Самостоятельность ориентаций подразумевает убеждение в способности брать на себя ответственность за свои действия, а также в том, что устройство общества делает такую самостоятельность возможной; противоположным полюсом данного концепта выступает подчиненность внешнему авторитету. Второе основное измерение — ощущение несчастья в противоположность ощущению благополучия — фокусируется на переживаниях психологического комфорта или горя. Наши измерения самостоятельности ориентаций и дистресса основаны на конфирматорном факторном анализе “второго порядка”, также заимствованном из работы М.Кона и др. [13, табл. 1].

Самостоятельность ориентаций проявляется, во-первых, в отсутствии приверженности авторитарно-консервативным взглядам и в восприимчивости к переменам, а во-вторых, в наличии личностно ответственных норм морали, доверии к другим людям и отсутствии фатализма — все это в соответствии с нашими теоретическими допущениями. Дистресс проявляется, во-первых, в самоосуждении и тревожности, а во-вторых, в недостатке уверенности в себе и в недоверии к другим, — что, вне сомнений, является самоочевидным. Модели хорошо согласуются с данными и вполне подобны между собой для обеих стран и для обоих полов.

В последующем анализе мы приводим результаты только для двух измерений ориентаций — измерений “второго порядка”. Более детальные расчеты последовательно показывают, что наши выводы относительно самостоятельности применимы также по отношению к тем первопорядковым измерениям ориентаций, которые наиболее определенно и точно отображают данное измерение, лежащее в их основе, а именно — по отношению к непредубежденности (в противоположность авторитарному консерватизму), восприимчивости к переменам и личностно ответственным нормам морали. Наши выводы относительно дистресса применимы также по отношению к первопорядковым измерениям ориентаций, которые отображают

¹ Наши критерии соответствия модели данным состоят в том, что отношение значения χ^2 к числу степеней свободы должно быть не более 5,0 (или не намного более 5,0 при больших N), корень из среднего квадрата ошибки аппроксимации должен быть не больше 0,05 или 0,08 и должен быть статистически незначимым.

это понятие наиболее определено и точно, а именно — по отношению к тревожности и самоосуждению.

Интеллектуальная гибкость

Мы измеряли также интеллектуальную гибкость — в той мере, в какой о ней свидетельствовали интеллектуальные действия респондента в ходе интервью. Мы основываемся на решениях респондентами двух мыслительных задач; на их склонности к “согласию”, когда задаются вопросы, требующие ответов “согласен/не согласен”; и (в Польше) на оценке интервьюером интеллекта респондента после продолжительного интервью, которое требует много размышлений и рефлексии. Мы полагаемся на конфирматорный факторный анализ, чтобы гарантировать, что отклонения в каком-либо одном показателе не отразятся на нашем измерении стоящего за ним концепта, при условии, что эти отклонения не являются общими и для других показателей. Вопросы в той форме, в которой они задавались, приведены в Приложении; измерительные модели представлены в таблице А-1 Приложения.

Хотя данные модели основываются всего на нескольких показателях, эти показатели отображают реальную интеллектуальную деятельность людей в ситуации, по всей видимости, требовавшей значительных умственных усилий почти от всех респондентов. К.Скулер, М.Муллату и Г.Оутс [18] недавно показали, что американские измерения интеллектуальной гибкости, используемые в этом исследовании, сильно коррелируют (0.87) с более традиционными измерениями эффективности интеллектуальной деятельности.

Измерения сложности деятельности

Мы намеревались оценить сложность деятельности представителей всех основных категорий населения. С этой целью мы задавали им разнообразные вопросы; некоторые были довольно общими, тогда как другие специально относились к деятельности, характерной для той или иной категории. В разной степени (в Польше также больше, чем в Украине) мы достигали цели для людей из всех категорий населения, кроме студентов. И хотя мы собрали информацию об учебной деятельности польских студентов, их число в нашей выборке (для взрослого населения) было слишком мало для надежных индексов.

Содержательная сложность труда в сфере оплачиваемой занятости

Наши измерительные модели содержательной сложности труда весьма подобны моделям, разработанным для американских мужчин [2, гл. 5], американских женщин [2, гл. 8; 19], польских мужчин [3, гл. 5], японских мужчин и женщин [6], а также мужчин и женщин в Колумбии [9]. Модели, используемые нами для Польши и Украины переходного периода, заимствованы из работы Кона и сотрудников 1997 года [13]. Мы повторяем их здесь (в таблице 1) для сравнения с разработанными в этом исследовании измерительными моделями сложности деятельности в других сферах.

Таблица 1

Измерительные модели содержательной сложности труда в сфере оплачиваемой занятости для Польши (1992) и Украины (1992–1993)

Концепты и показатели	Стандартизированные параметры связи концептов и индикаторов (показателей)			
	Польша		Украина	
	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины
Содержательная сложность труда				
Сложность труда с данными	.91*	.85*	.91*	.91*
Сложность труда с вещами	.11*	.38*	.32*	.36*
Сложность труда с людьми	.90*	.85*	.81*	.75*
Время работы с данными	.52*	.34*	.60*	.51*
Время работы с вещами	-.61*	-.46*	-.68*	-.60*
Время работы с людьми	.30*	.26*	.40*	.32*
Общая сложность	.78*	.94*	.80*	.85*
Отношение χ^2 к числу степеней свободы	5.19		2.07	
Корень из среднего квадрата погрешности аппроксимации	.054		.030	
Количество случаев	792	658	557	583

* $p < .05$

Наши сведения относительно содержательной сложности труда основываются на детальном опросе каждого респондента о его (или ее) работе. Этот опрос обеспечивает основу для определения семи показателей работы каждого респондента: нашей оценки сложности его работы с данными, с вещами и с людьми; нашей оценки общей сложности его работы; и оценок самим респондентом количества времени, затрачиваемого на работу каждого из этих трех видов (с данными, с вещами и с людьми). Сложность работы с данными и с людьми и общая сложность работы отражают стоящий за ними концепт в наибольшей степени; сложность работы с вещами слабее отражает основной концепт, но все же в виде прямой (положительной) связи; а количество времени, затрачиваемого на работу с вещами, отрицательно связано с содержательной сложностью труда. Как для Польши, так и для Украины модели приемлемо хорошо согласуются с данными. Параметры связи концептов с показателями весьма сходны для поляков и украинцев, для мужчин и для женщин в каждой стране.

Сложность деятельности безработных и пенсионеров

Общий показатель сложности деятельности. В польском опросе безработным мужчинам, тем из женщин, не имеющих работы, которые не считают себя домохозяйками, и пенсионерам (как мужчинам, так и женщинам) задавались вопросы довольно общего характера об их деятельности в обращении с вещами, с данными и с людьми. В приближенном переводе вопросы выглядели следующим образом:

“Хотелось бы детальнее обсудить распределение Вашего времени: что Вы обычно делаете на протяжении дня? Нас интересует и любая умственная работа – такая как чтение и письмо – и физический труд. Давайте начнем с деятельности, требующей приложения рук, независимо от того, простые ли это действия или такие, которые связаны с использованием инструментов и приборов. Мы имеем в виду любую работу, которая требует приложения рук, например: работу с электродрелью, с механической пилой, за компьютером или приготовление еды, рисование, игру на фортепиано.

Что из того, что требует физического труда, Вы делаете чаще всего?

В среднем – сколько часов в неделю Вы работаете руками?

А теперь давайте поговорим о чтении и письме. Пожалуйста, принимайте во внимание письма, заметки, книги, газеты и вообще любые письменные материалы. Сколько часов в неделю Вы проводите за занятиями такого рода?

Что именно Вы в это время делаете? Что Вы читаете? Если Вы пишете, то что именно?

Сколько часов в неделю Вы общаетесь с людьми?

В чем состоит это общение? По поводу чего Вы общаетесь с людьми, которые не являются членами Вашей семьи?

Используя полученные сведения, специалисты по опросу, имеющие опыт применения нашего метода измерения содержательной сложности труда в сфере оплачиваемой занятости, оценивали сложность деятельности каждого человека, в обращении с вещами, с данными и с людьми. Они также оценивали общую сложность деятельности этого человека, используя шкалы, созданные по образцу шкал для оценивания содержательной сложности труда в сфере оплачиваемой занятости [2, приложение В].

На основании таких оценок сложности, а также оценок респондентами количества времени, затрачиваемого ими на действия с вещами, с данными и с людьми, с использованием конфирматорного факторного анализа мы строили измерительные модели сложности деятельности безработных и пенсионеров (табл. 2). Способ опроса и кодирования был одинаковым для безработных и для пенсионеров, поэтому мы проводили оценку двухгрупповой (two-population) модели. Но так как параметры для безработных и для пенсионеров существенно различались, мы не накладывали требования их равенства для обеих групп. И поскольку соответствующие вопросы задавались лишь тем немногим безработным женщинам, которые не считали себя домохозяйками, а вся наша выборка содержала относительно немного женщин-пенсионерок, мы не пытались проводить оценку отдельных моделей для мужчин и для женщин.

Модель хорошо согласуется с данными. Связи между концептами и показателями в общем сходны со связями для содержательной сложности труда в сфере оплачиваемой занятости. Наибольшее различие в том, что сложность деятельности с людьми не является статистически значимой, что, возможно, отражает недостаток ясности в вопросе, что имеет смысл считать такой деятельностью вне сферы оплачиваемой занятости. Тем не менее, связи между концептами и показателями достаточно сходны со свя-

зьями для содержательной сложности труда в сфере оплачиваемой занятости, для того чтобы можно было с уверенностью утверждать, что мы измеряем одно и то же явление, хотя и в очень разных сферах.

Таблица 2

Измерительные модели сложности деятельности для польских безработных и пенсионеров — мужчин и женщин (1992)

Концепты и индикаторы	Стандартизированные параметры связи концептов и индикаторов	
	Безработные	Пенсионеры
Сложность деятельности		
Сложность деятельности с данными	.77*	.86*
Сложность деятельности с вещами	.49*	.23*
Сложность деятельности с людьми	.13*	.07
Время деятельности с данными	.36*	.44*
Время деятельности с вещами	.20	-.09
Время деятельности с людьми	.17	-.03
Общая сложность	.69*	.65*
Отношение χ^2 к степеням свободы	1.88	
Корень из среднего квадрата погрешности аппроксимации	.05	
Количество случаев	98	205

* $p < .05$

В Украине мы такой информации не собирали.

Сложность деятельности по поиску работы. Опрашивая безработных, в том числе и неработающих женщин, считающих себя домохозяйками, мы также пытались оценить нечто похожее на сложность деятельности в их поисках работы. Этот эксперимент состоял в том, что мы спрашивали респондентов, предпринимали ли они какие-либо из следующих действий по поиску работы: посещение бюро или агентства по найму; отклик на объявление; помещение объявления; посещение компаний и организаций, которые могут иметь вакансии; расспрос членов семьи и знакомых о вакансиях; посещение курсов переквалификации; попытка начать свой собственный бизнес.

Используя эту информацию, два профессиональных психолога, вполне осведомленных о ситуации с занятостью в Польше в то время, пытались оценить степень сложности, связанной с *формами* деятельности по поиску работы. Их алгоритм ранжирует эту деятельность в следующем порядке по возрастанию сложности:

1. Обращение только к друзьям и членам семьи за информацией о вакансиях.
2. Посещение бюро по трудоустройству.
3. Отклик на объявления.
4. Помещение объявления и/или посещение различных компаний и учреждений и/или обучение на курсах переквалификации.
5. Попытка начать собственный бизнес или посещение курсов переквалификации *плюс* любые четыре из пяти других видов поиска работы.

Те же вопросы задавались и безработным в Украине, но поскольку Украина тогда еще не выработала некоторых из механизмов поиска работы, применявшихся в Польше, мало кто использовал большинство из этих видов деятельности для поиска работы. Таким образом, подобный алгоритм не имел смысла для Украины. Вместо него мы применяли для Украины измерение, основанное на единственном существовавшем тогда эффективном механизме: на посещении государственного бюро по трудоустройству в поиске информации о вакансиях¹.

Сложность труда в домохозяйстве

Как в польском, так и украинском исследовании домохозяйкам задавалось множество подробных вопросов, в целом 23. В качестве иллюстрации приводим некоторые из них, относящиеся к приготовлению пищи:

Готовите ли Вы обед ежедневно, почти ежедневно, 3–4 раза в неделю, 1–2 раза в неделю, реже одного раза в неделю, почти никогда или вообще никогда?

Пользуетесь ли Вы для приготовления обеда только полностью или частично обработанными продуктами (полуфабрикатами); в основном обработанными продуктами, но иногда и сырыми; в основном сырыми продуктами, но иногда и обработанными; или только сырыми продуктами?

Пользуетесь ли вы поваренной книгой либо рецептами: раз в неделю или чаще; 2–3 раза в месяц; в среднем раз в месяц; реже или никогда?

Используете ли Вы для повседневного приготовления пищи новые рецепты и/или продукты или Вы предпочитаете готовить блюда, которые уже пользуются успехом?

Пользуетесь ли Вы иногда кухонным комбайном или другим многоцелевым приспособлением того же типа?

Пользуетесь ли Вы миксером?

По этой информации мы оценивали сложность приготовления пищи каждой домохозяйкой; а по информации сходного характера мы оценивали сложность другой ее деятельности в работе по дому. Далее мы использовали эти оценки в качестве показателей двух факторов первого порядка — сложности домашней работы с данными и с вещами (табл. 3). Показателями для оценивания сложности работы с данными являются оценки сложности всего того, что респондентки читают о домашней работе, что они пишут, выполняя эту работу, количество времени, которое они затрачивают, читая материалы, относящиеся к домашней работе, и (для Польши) один дополнительный показатель — приготовление новых блюд. Для сложности труда с

¹ Наш индекс дает классификацию по трем категориям: отсутствие обращений в государственное бюро по трудоустройству; обращение в такое бюро наряду с получением информации от друзей и знакомых; поиск работы исключительно через такое бюро. Основание для такой классификации — то, что обращение именно в государственное бюро по трудоустройству в Украине в 1992–1993 годах было наиболее эффективным способом поиска работы. Простая дихотомия — использование или неиспользование государственного бюро по трудоустройству — почти так же хорошо коррелирует со всеми тремя измерениями личностных характеристик, как и трехкатегориальная классификация.

вещами показателями являются оценки сложности приготовления еды, стирки и шитья. Связи обоих концептов с их показателями для польских и украинских домохозяек являются примерно одинаковыми по величине.

Таблица 3

Измерительные модели сложности домашней работы для польских и украинских домохозяек

Концепты и показатели	Польские домохозяйки	Украинские домохозяйки
Стандартизированные связи между концептами первого порядка и показателями		
<i>Сложность работы с данными</i>		
Чтение	.81*	.94*
Письмо	.58*	.63*
Время, затрачиваемое на чтение	.42*	.42*
Новые блюда	.36*	–
<i>Сложность работы с вещами</i>		
Приготовление пищи	.59*	.54*
Стирка	.42*	.28*
Шитье	.21*	.45*
<i>Сложность работы с людьми</i>		
Количество членов семьи	1.00	1.00
Стандартизированные связи сложности работы по дому с концептами первого порядка		
<i>Сложность работы по дому</i>		
Сложность работы с данными	.47*	.56*
Сложность работы с вещами	.82*	.96*
Сложность работы с людьми	.34*	.15
Отношение χ^2 к степеням свободы	2.17	1.17
Корень из среднего квадрата погрешности аппроксимации	.049	.034
Количество случаев	490	148

* $p < .05$

Мы столкнулись с немалыми трудностями, подыскивая удовлетворительные показатели сложности общения с людьми при выполнении домашней работы. Это, помимо прочего, может отражать неоднозначность того, что составляет работу с людьми вне сферы оплачиваемой занятости. Мы решили использовать число членов семьи в качестве единственного показателя сложности работы с людьми на том основании, что размеры семьи примерно соответствуют введенному Р.Коузером [20] понятию сложности ролевых наборов (role-sets), которую можно считать основной по отношению к сложности чьего-либо общения с людьми.

Три фактора первого порядка — сложность работы с данными, с вещами и с людьми — служат в качестве “показателей” концепта второго порядка:

сложности домашней работы. Части моделей второго порядка для обеих стран подобны: сложность работы с вещами является наиболее весомым показателем сложности домашней работы, а сложность работы с людьми — определяемая единственным показателем с сомнительной надежностью — является (что не удивительно) наименее весомой. Модели и для польских, и для украинских домохозяек хорошо согласуются с данными.

Сложность деятельности и личность

Используя описанные контекстно-зависимые меры сложности деятельности, мы теперь в состоянии оценить, среди всех ли категорий населения сложность деятельности людей имеет примерно одинаковую связь с их личностными характеристиками. Мы предполагаем, что все корреляции должны быть нетривиальными; величина корреляций для всех занятых по найму, мы полагаем, будет примерно такой же, как и для занятых по найму мужчин в более стабильные времена; а для незанятых по найму — будет почти такой же большой, как и для занятых.

Корреляции между сложностью деятельности и личностными характеристиками в условиях радикальных социальных изменений

Работающие мужчины и женщины в Польше и Украине. Корреляции содержательной сложности труда и личностных характеристик взяты из работы Кона и его сотрудников 1997 года [13]. Мы повторяем их здесь — в другом теоретическом контексте — с тем чтобы установить линию, относительно которой можно оценивать корреляции для сложности деятельности во вне-рабочих сферах. Как показано в таблице 4, корреляции сложности труда с самостоятельностью ориентаций и с интеллектуальной гибкостью в условиях радикальных социальных изменений для работающих польских мужчин весьма подобны тем, какими эти корреляции были при явно более стабильных условиях социалистического периода¹. Однако корреляция содержательной сложности труда с дистрессом для польских мужчин в современных условиях противоположна по знаку той, которая фиксировалась в социалистической Польше, но она такая же по знаку и почти равна по величине той, которая фиксировалась в Соединенных Штатах. Тот единственный аспект, в котором в прежних исследованиях Польша отличалась от Соединенных Штатов, теперь может быть отнесен к условиям жизни в Польше при социализме [подр. см.: 13].

¹ Чтобы вычислить корреляции, представленные в этой работе, мы рассчитали факторные значения на основе измерительных моделей, приведенных выше или в *Приложении*, применив компьютерную программу FSCORE, разработанную Рональдом Шёнбергом. Эта программа не только использует довольно изощренную процедуру оценки недостающих данных, но и определяет корреляцию между фактическими и факторными значениями; эта информация является чрезвычайно ценной для коррекции корреляций факторных значений с другими переменными, с тем чтобы учесть ненадежность факторных значений. Все представленные здесь корреляции прошли коррекцию такой ненадежности.

Таблица 4

Корреляции нескольких мер сложности деятельности с личностными характеристиками в зависимости от страны и пола респондентов: американские мужчины (1974), польские мужчины (1978), польские мужчины и женщины (1992), украинские мужчины и женщины (1992–1993)

	(N)	Самостоя- тельность ориентаций	Ди- стресс	Интеллек- туальная гибкость
<i>Американские мужчины (1974)</i>				
Работающие: содержательная сложность труда	687	.64*	-.24*	.77*
<i>Польские мужчины (1978)</i>				
Работающие: содержательная сложность труда	1.557	.48*	.17*	.65*
<i>Польские мужчины (1992)</i>				
Работающие: содержательная сложность труда	769	.45*	-.23*	.67*
Безработные: сложность деятельности	84	.30*	-.29*	.57*
сложность поисков работы	84	.30*	-.29*	.57*
Пенсионеры: сложность деятельности	165	.29*	-.09	.42*
<i>Польские женщины (1992)</i>				
Работающие: содержательная сложность труда	632	.48*	-.31*	.72*
Безработные: сложность поисков работы	144	.14	.00	.14
Пенсионерки: сложность деятельности	27	.23	-.31	.73*
Домохозяйки: сложность работы по дому				
Все домохозяйки	475	.43*	-.43*	.67*
“Простые домохозяйки”	341	.47*	-.54*	.73*
“Безработные домохозяйки”	134	.36*	-.23*	.51*
<i>Украинские мужчины (1992–1993)</i>				
Работающие: содержательная сложность труда	495	.19*	-.17*	.19*
Безработные: показатель поиска работы	37	.29	-.24	.21
<i>Украинские женщины (1992–1993)</i>				
Работающие: содержательная сложность труда	492	.30*	-.12	.26*
Безработные: показатель поиска работы	(31)	.07	-.23	.22
<i>Домохозяйки:</i>				
Сложность труда по дому	138	.42*	-.26*	.38*

*p < .05

Корреляции между содержательной сложностью труда и личностными характеристиками несколько сильнее для работающих польских женщин, чем для работающих польских мужчин. Однако все корреляции для работающих людей в Украине явно слабее, чем для работающих людей того же пола в Польше [см.: 13]. И все же, невзирая на крайне неопределенные условия жизни, существовавшие тогда в Украине, все шесть корреляций были надлежащего знака и нетривиальной величины, а пять из них были статистически значимыми.

Безработные. Данные, относящиеся к безработным мужчинам в Польше, целиком согласуются с нашими гипотезами: (положительные) корреляции сложности их деятельности с самостоятельностью ориентаций и с интеллектуальной гибкостью почти так же сильны, как соответствующие корреляции содержательной сложности труда с теми же аспектами личности для мужчин в Польше, работающих в сфере оплачиваемой занятости, а корреляция (негативная) с дистрессом несколько сильнее. Кроме того, наша оценка сложности деятельности по поиску работы коррелирует позитивно с самостоятельностью ориентаций и с интеллектуальной гибкостью, а с дистрессом коррелирует негативно. А корреляции с дистрессом здесь сильнее, чем для содержательной сложности труда мужчин в сфере оплачиваемой занятости.

Что касается безработных женщин в Польше, то мы имеем показатель сложности деятельности только для десяти женщин, которые не считали себя домохозяйками; этого слишком мало для получения надежных корреляций. Для *всех* же не занятых по найму польских женщин мы, однако, имеем показатель сложности их поисков работы. Он *не* коррелирует — ни сильно, ни значимо — ни с каким из трех измерений личности. Вероятное объяснение этому дает тот обнаруженный нами факт, что неработающие польские женщины, которые считают себя домохозяйками, — и которые составляют большинство неработающих, — мало времени уделяли активному поиску работы. Сложность этой их поисковой деятельности, вероятно, не отражает в полной мере общей сложности их деятельности.

У нас нет ни информации об обычной деятельности украинских безработных, ни имеющих смысл для Украины измерений сложности деятельности по поиску работы. К тому же, поскольку во время нашего исследования надлежаще оформленная безработица была в Украине еще довольно редким явлением, число безработных мужчин и женщин в нашей выборке слишком мало для того, чтобы обеспечивать статистически значимые выводы о каких-либо корреляциях, кроме самых крупных. Но даже при этом простой показатель степени использования государственной службы по трудоустройству дает результаты, представляющиеся значимыми. Этот показатель коррелирует со всеми тремя аспектами личностных характеристик безработных мужчин-украинцев по крайней мере столь же сильно, как и содержательная сложность труда для работающих украинских мужчин. И хотя этот показатель деятельности по поиску работы лишь весьма слабо коррелирует с самостоятельностью ориентаций безработных украинских женщин, с их интеллектуальной гибкостью он коррелирует почти так же, как и содержательная сложность труда работающих украинских женщин, а с их ощущением благополучия или дистресса — даже сильнее. Все корреляции имеют тот знак, который предполагался. Таким образом, данные, полу-

ченные по украинским безработным, хотя и не являются статистически значимыми, согласуются с нашим тезисом.

Пенсионеры. Данные для польских пенсионеров двусмысленны: для польских мужчин-пенсионеров корреляции сложности деятельности с самостоятельностью ориентаций и с интеллектуальной гибкостью, хотя и заметно меньше по величине, чем соответствующие корреляции для работающих польских мужчин, являются все же довольно сильными и статистически значимыми. Однако корреляция с дистрессом невелика ($r = -.09$) и незначима. Здесь детальная проверка первопорядковых измерений ориентаций дает сведения, которые нельзя получить из анализа измерений второго порядка. Хотя сложность деятельности польских мужчин-пенсионеров значимо не связана ни с самоосуждением, ни с тревожностью, она значимо (и в значительной степени) связана с уверенностью в себе, с восприимчивостью к переменам, с отсутствием фатализма и с наличием личностно ответственных норм морали. Эта совокупность измерений, как представляется, означает ощущение способности контролировать свою жизнь, что несомненно согласуется с нашей интерпретацией.

В нашей польской выборке всего 27 женщин-пенсионерок. Корреляция сложности их деятельности с самостоятельностью ориентаций и с дистрессом, хотя и существенна (применительно к дистрессу она так же сильна, как соответствующая корреляция для работающих), однако недостаточно велика, чтобы быть статистически значимой при столь малом N . Корреляция с интеллектуальной гибкостью, которая поистине огромна ($r = .73$), является статистически значимой. Таким образом, данные для женщин-пенсионерок полностью согласуются с нашей гипотезой, хотя не могут иметь решающего значения.

О сложности деятельности украинских пенсионеров у нас информации нет.

Домохозяйки. И для Польши, и для Украины данные полностью согласуются с нашей основной гипотезой. Все корреляции сложности домашней работы с личностными характеристиками имеют надлежащий знак, все они статистически значимы, и все существенно велики. Благодаря проведенному в польском опросе разграничению между “простыми” и “безработными” домохозяйками мы узнали нечто новое: корреляции между сложностью домашней работы и всеми тремя измерениями личности гораздо сильнее для “простых” домохозяек, чем для “безработных” — они или так же сильны, как и соответствующие корреляции у польских женщин, работающих по найму, или еще сильнее. Однако даже для “безработных” домохозяек корреляции сложности домашней работы с личностными характеристиками вполне согласуются с нашей гипотезой.

Для украинских домохозяек корреляции сложности труда по дому со всеми тремя аспектами личности заметно сильнее, чем соответствующие корреляции содержательной сложности труда украинских женщин в сфере оплачиваемой занятости.

Таким образом, вряд ли может оставаться сомнение в том, что сложность деятельности людей существенным образом связана с самостоятельностью их ориентаций и с их интеллектуальной гибкостью среди всех категорий населения Польши и Украины, по которым у нас есть необходимая информация. Эту связь мы обнаруживаем вновь и вновь, в обеих странах, и

для мужчин, и для женщин. Многие из корреляций для не работающих по найму так же сильны, как и соответствующие корреляции для работающих по найму (в той же стране и того же пола), или даже сильнее.

Наши данные не так однородны в том, что касается взаимосвязи между сложностью деятельности и ощущением благополучия или дистресса. Главное исключение состоит в том, что сложность деятельности польских мужчин-пенсионеров лишь слабо и незначимо связана с дистрессом. Однако сложность их деятельности значимым образом связана с измерениями ориентаций, в которых проявляется ощущение способности контролировать собственную жизнь. И, наконец, нет в полученных данных *ничего* напоминающего *положительную* связь между содержательной сложностью труда и дистрессом, обнаруженную у работающих польских мужчин при социализме, — ни среди пенсионеров, ни среди любой другой категории населения Польши или Украины.

*Отражает ли сложность деятельности
просто уровень образования или сложность
прежней работы?*

Можно обоснованно поставить вопрос, не отражают ли корреляции между сложностью деятельности и личностными характеристиками несомненную связь между достигнутым людьми уровнем образования и сложностью их деятельности. Наши данные подтверждают, что образовательный уровень существенно и значимо коррелирует со сложностью деятельности людей среди всех категорий населения. Однако даже сильная корреляция между уровнем образования и сложностью деятельности не обязательно должна означать, что связь между сложностью деятельности и личностными характеристиками попросту отражает влияние на личность полученного образования. Напротив, проводившийся М. Коном и К. Скулером [2] лонгитюдный анализ взаимосвязи образовательного уровня, содержательной сложности труда и личностных качеств работающих американских мужчин показал, что не меньше половины общего влияния, со временем оказываемого полученным образованием на личностные качества, является следствием влияния образования на сложность труда, а уже сложность труда, в свою очередь, влияет на личностные качества.

Располагая лишь статическими по своему характеру данными — полученными только в одном временном срезе, мы не можем делать оценок относительно изменений во времени. Поэтому мы были вынуждены прибегнуть к приему статистического контроля образовательного уровня, при котором какое-либо уменьшение величины связей между сложностью деятельности и личностными характеристиками означает, что эти связи были в соответствующей степени артефактными. Мы намеренно проводим избыточный контроль, чтобы узнать, есть ли какая-либо остаточная связь, которая не может быть объяснена влиянием уровня образования.

Мы обнаружили (табл. 5), что статистический контроль образовательного уровня уменьшает величины многих относящихся к делу корреляций, и иногда существенно. Однако все корреляции (кроме трех), которые были статистически значимыми, таковыми и остаются, а две, ранее незначимые, становятся значимыми. (Обе корреляции, становящиеся при этом значи-

мыми, относятся к сложности поиска работы безработными польскими женщинами. Таким образом, устраняется представлявшееся важным исключение из общей закономерности значимой связи сложности деятельности – где бы она ни проходила и как бы ни измерялась – с самостоятельностью ориентаций и с интеллектуальной гибкостью, если только N достаточно велико.) Образование несомненно влияет на сложность деятельности людей, как в сфере оплачиваемой занятости, так и вне ее. Но психологические проявления, сопутствующие сложности деятельности, лишь отчасти могут быть объяснены влиянием образовательного уровня.

Таблица 5

Частные корреляции сложности деятельности с личностными характеристиками; статистический контроль влияния уровня образования и содержательной сложности предыдущей работы: Польша (1992) и Украина (1992–1993).

Частные корреляции, контролирование уровня образования	N	Самостоятельность ориентаций	Дистресс	Интеллектуальная гибкость
<i>Польские мужчины</i>				
Работающие: содержательная сложность труда	769	.16*	-.15*	.42*
Безработные: сложность деятельности	84	.36*	-.23*	.47*
сложность поисков работы	84	.29*	-.29*	.77*
Пенсионеры: сложность деятельности	165	.09*	.07	.20*
<i>Польские женщины</i>				
Работающие: содержательная сложность труда	632	.12*	-.14*	.28*
Безработные: сложность поисков работы	144	.17*	-.01	.21
Пенсионерки: сложность деятельности	27	-.12*	-.10	.61*
Домохозяйки: сложность труда по дому	475	.27*	-.38*	.56*
<i>Украинские мужчины</i>				
Работающие: содержательная сложность труда	495	.03*	-.18*	.08*
Безработные: показатель поисков работы	28	.22	-.16	.09
<i>Украинские женщины</i>				
Работающие: содержательная сложность труда	492	.10*	.04	.12*
Безработные: показатель поисков работы	23	.11	-.27	.21
Домохозяйки: сложность труда по дому	138	.34*	-.11	.28*

Частные корреляции, контролирование нашей оценки сложности предыдущей работы				
<i>Польские мужчины</i>				
Работающие: содержательная сложность труда	603	.28*	-.18*	.52*
Безработные: сложность деятельности	81	.41*	-.28*	.69*
сложность поисков работы	76	.27*	-.31*	.67*
Пенсионеры: сложность деятельности	162	.21*	.00	.36*
<i>Польские женщины</i>				
Работающие: содержательная сложность труда	450	.30*	-.24*	.41*
Безработные: сложность поисков работы	121	.13	.00	.14
Пенсионеры: сложность деятельности	26	.09	-.16	.64*
Домохозяйки: сложность труда по дому	418	.35*	-.43*	.66*

* $p < .05$

Можно также задаться вопросом, не отражают ли корреляции между сложностью деятельности и характеристиками личности несомненную связь между сложностью *прошлой* работы людей и их текущей деятельностью. Это предположение, из-за отсутствия необходимых сведений о прежней работе для украинцев, мы можем проверить только для поляков. Для поляков предположение о положительной корреляции между сложностью труда на прежнем месте и сложностью нынешней деятельности справедливо для всех категорий населения; однако эти корреляции сильны только для тех, кто ныне работает. Но даже для них статистический контроль сложности предыдущей работы не намного снижает корреляцию между содержательной сложностью нынешней работы и личностными характеристиками (см. табл. 5). Кроме того, статистический контроль сложности прежней работы не делает незначимой ни одну статистически значимую корреляцию между сложностью текущей деятельности и личностными характеристиками. В общем, именно сложность *текущей* деятельности, а не прежней работы имеет значение для личностных качеств как работающих, так и не работающих в сфере оплачиваемой занятости, что вполне согласуется с прошлыми результатами для работающих по найму мужчин в США [2].

Короче говоря, корреляции между сложностью деятельности и личностными характеристиками, если и могут быть приписаны уровню образования или сложности прежней работы, то лишь частично.

Обсуждение

Предыдущие исследования продемонстрировали важность содержательной сложности труда — как в сфере оплачиваемой занятости, так и в других областях деятельности — для таких фундаментальных измерений

личности, как самостоятельность ориентаций, ощущение благополучия или дистресса и интеллектуальная гибкость. Данные были особенно вескими для работающих мужчин в Соединенных Штатах, где анализ основывался на лонгитюдных данных, но это имело силу также и для работающих мужчин в других странах, и для работающих женщин, и для домашней работы (по крайней мере для женщин), и для учебных занятий (для старших школьников и студентов).

Недавнее исследование, основанное на данных, собранных в Польше и Украине в период радикальных социальных изменений, сопутствующих трансформациям экономики этих стран, показало, что факты, установленные для работающих мужчин и женщин, верны не только в условиях явной социальной стабильности, но и в условиях радикальных социальных изменений.

Представленный здесь анализ, основанный на этих данных, показывает, что для неработающих мужчин и женщин сложность их деятельности имеет такие же связи с личностными характеристиками, как и для работающих. И не только для домохозяек, но и для безработных и пенсионеров, то есть для всех значительных по численности категорий взрослого населения. Более того, этот анализ показывает, что сложность деятельности людей, не работающих в сфере оплачиваемой занятости, существенно важна для их личностных качеств даже во времена радикальных изменений, когда можно было ожидать, что психологическое влияние сложности деятельности будет перекрываться влиянием социальных условий, порождающих неопределенность и материальные трудности.

Ограничения обобщений

Мы отнюдь не предполагаем, что сложность *всех* видов деятельности при любых условиях влияет на личность таким же образом и в той же степени, что и сложность труда в сфере оплачиваемой занятости. Наша основная гипотеза была ограничена деятельностью в психологически значимых сферах жизни. Разграничение между “простыми” и “безработными” домохозяйками, проведенное в последнем исследовании в Польше, может служить хорошим показателем того, что — в соответствии с нашими ожиданиями — является достаточно “значимой” сферой жизни. Хотя корреляции между сложностью домашней работы и всеми тремя измерениями личности существенны и статистически значимы для обеих категорий домохозяек, они несомненно выше для “простых” домохозяек, чем для “безработных”. Это означает, что центральное место той или иной деятельности в жизни людей может быть решающим не только для наличия влияния сложности этой деятельности на их личностные качества, но и для величины связи между сложностью деятельности и личностными характеристиками. Величина же корреляции представляется приблизительно соразмерной с центральностью положения данной деятельности в жизни людей.

Социальная структура

Где же в эту картину входит социальная структура? Во всех подобных исследованиях работающих в сфере оплачиваемой занятости, включая работающих в Польше и в Украине в условиях радикальных социальных изме-

нений [12], единство результатов состояло в том, что положение в классовой структуре и в иерархии социальной стратификации сильно скоррелировано с содержательной сложностью труда. Более того, данные аспекты социальной структуры оказывают влияние на личность в значительной степени благодаря тому, что положение в классовой структуре и в иерархии социальной стратификации тесно связано с содержательной сложностью труда. Основное здесь — тот ключевой факт, что влияние содержательной сложности труда на личность во многом одинаково во всей социальной структуре.

Распространяя анализ за пределы сферы оплачиваемой занятости с тем, чтобы охватить и другие категории населения, мы имели дело лишь с половиной каузальной модели: мы показали, что *психологические проявления, сопровождающие занятие сложными видами деятельности, выходят за пределы определенного положения в социальной структуре не только для всех социальных классов работающих, но также и для всех категорий неработающих*. Занятие сложной деятельностью, независимо от того, называют ли ее работой или нет, связано с самостоятельностью ориентаций, ощущением благополучия и интеллектуальной гибкостью — даже когда эта деятельность осуществляется в условиях радикальных социальных изменений. Мы, однако, не выясняли, связано ли для безработных их место в социальной структуре со сложностью деятельности и — если да — какие это имеет последствия для связи между положением в структуре и личностью. Эту проблемную задачу мы пытаемся решить в том исследовании, которое проводим сейчас [21].

Направленность влияний

Наш тезис состоит в том, что связи между сложностью деятельности и личностными характеристиками являются взаимными — что сложность психологически значимых видов деятельности и влияет на личность, и зависит от ее влияния. Однако, хотя наш тезис относится к взаимному влиянию, наш эмпирический анализ дал оценку только *взаимосвязей*. Поскольку наши данные имеют статический характер, мы не можем провести лонгитюдный анализ, который бы позволил оценить направленность влияний эмпирическим путем. Не можем мы провести и имитационный лонгитюдный анализ, так как сам факт радикальных социальных изменений исключает экстраполяцию данных лонгитюдных исследований, проведенных в более стабильные времена, о темпах изменений в величинах взаимосвязей между переменными в нашей модели¹. Однако мы можем сравнить наши результаты с полученными в прошлом путем лонгитюдного и имитационного анализа.

¹ В имитированном лонгитюдном анализе информация о временных изменениях в величинах взаимосвязей между эндогенной переменной, чье предыдущее состояние имитируется, и всеми экзогенными переменными необходимо заимствовать из реального лонгитюдного анализа. Нельзя, однако, предполагать, что данные исследований, проведенных в относительно стабильные времена, обеспечивают надежную основу для выводов о темпах изменений во времени в периоды радикальных социальных трансформаций. (Детальные разъяснения того, что требуется для имитированного лонгитюдного анализа статических данных, см.: [3; 11; 12; 22].)

тационного лонгитюдного анализом, чтобы посмотреть, какие выводы могут быть получены логическим путем.

Основанием для такого сравнения является примечательное подобие не только *характера* корреляций между сложностью деятельности и личностными характеристиками почти для всех категорий населения Польши и Украины и для работающих мужчин и женщин, как в этих, так и в других странах, — но также и *величин* этих корреляций, даже когда исследования проводились в условиях радикальных социальных изменений. Нам представляется обоснованным сделать вывод о том, что процессы, обусловившие эти корреляции между сложностью деятельности и личностными характеристиками в нынешнем исследовании, не могут быть совершенно несхожими с теми, которые обуславливали корреляции между содержательной сложностью труда и личностными характеристиками в прежних исследованиях.

Центральным выводом прошлого лонгитюдного и имитационного лонгитюдного анализа связей между сложностью труда и личностными характеристиками было то, что эти связи принципиально взаимны. Лонгитюдный анализ, проведенный М.Коном и К.Скулером [2] для работающих американских мужчин, показал, что содержательная сложность труда *не только коррелирует со многими измерениями личности, включая все три фундаментальных измерения, рассматриваемые в настоящем исследовании, но и влияет на них*. Кроме того, имитационный лонгитюдный анализ статистических данных подтверждает, что содержательная сложность труда обладает глубоким психологическим влиянием для работающих американских женщин [19; 22], для работающих польских мужчин и женщин [3; 22] и для работающих японских мужчин [4] и женщин [6]. Кроме того, Дж. Миллер, К.Сломчинский и М.Кон [23] показали, что содержательная сложность труда влияет на интеллектуальную гибкость и авторитарный консерватизм в самой старшей возрастной когорте работающих американских и польских мужчин не менее сильно, чем в более молодых когортах. К.Скулер с сотрудниками [18] недавно обнаружили, что при продлении до 20 лет лонгитюдного анализа для американских мужчин и женщин влияние содержательной сложности труда на интеллектуальную гибкость для пожилых (но все еще работающих) людей оказывается *даже сильнее*, чем для более молодых.

Имитационный лонгитюдный анализ домашней работы американских женщин [9] и учебной деятельности американских старших школьников и студентов [10; 11] показал, что сложность деятельности в этих областях также не только зависит от личностных характеристик, но и явно влияет на них. Эти результаты в особенности имеют отношение к нашему распространению гипотезы на сложность деятельности вне сферы оплачиваемой занятости.

Таким образом, от исследования к исследованию наблюдаются необычайно согласованные данные — как для мужчин, так и для женщин, в различных странах и при разных обстоятельствах — о том, что содержательная сложность работы не только *зависит* от личности, но также и влияет на нее, даже если эта работа выполняется вне сферы оплачиваемой занятости. Можно ли предположить, что наши удивительно сходные данные для сложности деятельности всех категорий населения, включая работающих в сфере оплачиваемой занятости, *полностью* определяются влияни-

ем свойств личности на сложность деятельности? Такой сценарий представляется нам крайне неправдоподобным.

Мы как раз допускаем, что влияние личностных характеристик на сложность деятельности может быть более сильным вне сферы оплачиваемой занятости, где по сравнению с работой по найму возможность для свободы действий может быть большей (хотя, конечно же, не полной). Мы также допускаем, особенно для сферы оплачиваемой занятости, что влияние личностных качеств на сложность деятельности, вероятно, может быть сильнее во времена перемен, когда люди, к этому предрасположенные, имеют больше возможностей заняться более сложной деятельностью, либо сменив место работы, либо открыв собственное дело. Но даже при этом, возможно ли вообще, чтобы непротиворечивое множество связей между сложностью деятельности и личностными характеристиками, найденных нами и для работающих, и для всех категорий неработающих, *полностью* определялось однонаправленным влиянием свойств личности на сложность деятельности, если все предыдущие случаи анализа (и в сфере оплачиваемой занятости, и вне этой сферы) показывают их “принципиально взаимную” связь? Логично сделать вывод, что и обнаруженные нами в этом исследовании связи между сложностью деятельности и личностными характеристиками почти несомненно являются следствием сходных двусторонних процессов.

Приложение

Выборка, методы сбора данных и измерения интеллектуальной гибкости

Выборка и методы сбора данных

Польская выборка основывалась на данных Министерства внутренних дел, которое имеет полную сводку текущей регистрации имен и адресов всего населения, организованную в виде компьютеризированной системы. Эта система использовалась для построения двухступенчатой случайной выборки городских жителей в возрасте от 21 до 65 лет; регионы и городские районы служили выборочными стратами. Украинская выборка была построена украинскими членами нашей исследовательской группы, которые разработали методику, позволяющую преодолеть недостатки процедур построения выборок в бывшем Советском Союзе и недостаточность официальной статистики в Украине. Методика основана на многоступенчатом случайном отборе: первый этап — отбор из нескольких сотен районов; затем — последовательный отбор почтовых отделений, улиц, групп домохозяйств; и наконец, отбор взрослых жителей в возрасте от 18 лет и старше, проживающих в отобранных домохозяйствах.

Польский опрос проводился отделом опросов Института философии и социологии Польской Академии Наук, имеющим в своем распоряжении штат полевых работников — хорошо обученных и опытных интервьюеров. В качестве дополнительной гарантии контроля качества и координации польские исследователи обучали специфике данного опроса супервизоров, а затем и интервьюеров в каждом регионе Польши. Украинский опрос проводил Киевский международный институт социологии (КМИС) — иссле-

довательский центр, созданный украинскими членами нашей исследовательской программы в 1990 году. К счастью, в этом они получили профессиональную помощь от Майкла Хейни из исследовательского института “Радио Свобода”, который при подготовке к первым опросам этого центра (для “Радио Свобода”) провел интенсивное обучение интервьюеров (на русском языке, которым он свободно владеет). Ко времени проведения институтом опроса, данные которого по Украине легли в основу этой статьи, КМИС уже имел обученный и опытный штат полевого персонала, а также достаточно эффективную систему обеспечения высокого качества интервьюирования.

Поляки успешно проинтервьюировали 78% отобранных респондентов, а украинцы — 81%. В целом, 2291 человек (1086 мужчин и 1205 женщин) был проинтервьюирован в польском опросе и 2276 человек (952 мужчины и 1324 женщины) — в украинском опросе. Заметное превышающее представительство женщин в обеих выборках, особенно в украинской, отражает демографическую структуру этих стран.

Измерительные модели интеллектуальной гибкости

Логика наших измерительных моделей интеллектуальной гибкости следует логике моделей, использовавшихся в более ранних сравнительных анализах данных для Соединенных Штатов и Польши, тогда еще социалистической [2, гл. 5; 3, гл. 4], — в отборе ряда показателей, отражающих интеллектуальные действия респондента в ходе самого интервью.

Два из этих показателей были основаны на нашей оценке адекватности решений респондентами явно простых мыслительных задач: (1) “Допустим, Вы захотели бы открыть газетный киоск в новом районе. Вам нужно выбрать одно из двух мест. Какие обстоятельства Вы примете во внимание, прежде чем принять решение? Какие еще?”; (2) “Какие аргументы, по Вашему мнению, можно привести за и против показа по телевидению и радио коммерческой рекламы? За? Против?”.

Третьим показателем интеллектуальной гибкости была частота, с которой респондент соглашался в ответ на включенные в интервью многочисленные вопросы типа “согласен/не согласен”. Наш подход здесь основывался на том, что поскольку некоторые из вопросов в этом блоке были сформулированы позитивно, а некоторые, сходные по смыслу, — негативно, преобладание согласия показывает, что респондент о вопросах не думает с должным вниманием. Из-за недостатка данных в украинском опросе мы использовали *долю* ответов “согласен” среди всех ответов респондента на вопросы типа “согласен/не согласен”. Структура недостающих данных делает такой показатель не менее значимым, чем абсолютное число “согласий”.

В польской модели мы использовали в качестве четвертого показателя интеллектуальной гибкости оценку интеллекта респондента интервьюером. Хотя на такие оценки несомненно влияет содержание сказанного респондентом в ходе интервью и даже, возможно, нечто увиденное интервьюером в доме респондента, все же мы имеем дело с суждением компетентного интервьюера после долгого интеллектуально насыщенного интервью. Поскольку эти оценки варьируют подобно остальным показателям интеллектуальной гибкости, есть основание их использовать.

В более раннем польском опросе [3, гл. 4], так же как в исследованиях в США [2, гл. 5, 8], измерительные модели интеллектуальной гибкости включали также три показателя, основанных на тесте “Draw-a-Person” и на части теста “Embedded Figures”. Только последний из них отражает то измерение умственных действий, которое мы рассматриваем здесь, а именно — гибкость мышления (идеациональную в отличие от перцептивной). Анализируя соответствующие данные, Дж.Миллер с сотрудниками [11] обнаружили, что для идеационального измерения умственных действий корреляции факторных значений, основанных на всех семи показателях и только на тех четырех, которые использовались в последнем польском опросе, почти одинаковы. Поэтому представлялось излишним включать в настоящее исследование тесты “Draw-a-Person” и “Embedded Figures”.

В таблице А-1 представлены измерительные модели интеллектуальной гибкости для мужчин и женщин в Польше и в Украине. Сила связи концептов с показателями для польских мужчин и польских женщин сходна, но не идентична; соответственно, мы построили для каждого пола отдельные факторные значения. В то же время, сила связи концептов с показателями весьма различна для поляков и украинцев: по вопросу о рекламе она выше для украинцев. Это, вероятно, побочное следствие того, что для Украины у нас не было четвертого показателя — оценки интеллекта респондента интервьюером. Возможно по той же причине мы были вынуждены рассчитывать (нестандартизированные) связи концептов с показателями как равные для украинских мужчин и женщин.

Таблица А-1

Измерительные модели интеллектуальной гибкости для Польши (1992) и Украины (1992–1993)

Показатели (индикаторы)	Стандартизированные параметры связи концептов и индикаторов			
	Польша		Украина	
	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины
Счет “согласий”	-.20*	-.40*	-.12*	-.13*
Вопрос о рекламе	.44*	.44*	.76*	.83*
Вопрос о киоске	.46*	.37*	.33*	.37*
Оценка интеллекта респондента интервьюером	.48*	.40*	–	–
Отношение χ^2 к степеням свободы	.05		3.75	
Корень из среднего квадрата погрешности аппроксимации	.00		.03	
Количество случаев	1.075	1.200	952	1.324

* $p < .05$

Примечание: В украинской модели нестандартизированные связи концептов с показателями ограничены требованием их равенства для мужчин и для женщин.

Хотя и польская, и украинская модель хорошо согласуются с данными, остается вопрос, является ли модель для Украины, базирующаяся на трех индикаторах, столь же чувствительным измерителем интеллектуальной гибкости, как и модель для Польши, базирующаяся на четырех индикаторах. В качестве частичной проверки мы построили и для Польши модель, ограниченную тремя показателями, использовавшимися в украинской модели, чтобы посмотреть, не будут ли ее корреляции с некоторыми измерениями сложности деятельности меньшими, чем для модели, базирующейся на четырех индикаторах. Оказалось, что они действительно, хотя и не намного, меньше. Экстраполируя, мы приходим к выводу, что корреляции с интеллектуальной гибкостью, приводимые в наших таблицах, недооценивают действительные корреляции для Украины приблизительно на одну пятую.

Литература

1. *Kohn M.L.* Class and Conformity: A Study in Values / 2nd ed. — Chicago, [1969] 1977.
2. *Kohn M.L., Schooler C. et al.* Work and Personality: An Inquiry into the Impact of Social Stratification. — Norwood (NJ), 1983.
3. *Kohn M.L., Slomczynski K.M. et al.* Social Structure and Self-Direction: A Comparative Analysis of the United States and Poland. — Oxford, 1990.
4. *Naoi A., Schooler C.* Occupational Conditions and Psychological Functioning in Japan // *American Journal of Sociology.* — 1985. — **90.** — P. 729–752.
5. *Schooler C., Naoi A.* The Psychological Effects of Traditional and of Economically Peripheral Job Settings in Japan // *American Journal of Sociology.* — 1988. — **94.** — P. 335–355.
6. *Naoi M., Schooler C.* Psychological Consequences of Occupational Conditions among Japanese Wives // *Social Psychology Quarterly.* — 1990. — **53.** — P. 100–116.
7. *Kohn M., Naoi A., Schoenbach C., Schooler C., Slomczynski K.M.* Position in the Class Structure and Psychological Functioning in the United States, Japan, and Poland // *American Journal of Sociology.* — 1990. — **95.** — P. 964–1008.
8. *Mortimer J.T., Pimentel E.E., Ryu S., Nash K., Lee Ch.* Part-Time Work and Occupational Value Formation in Adolescence // *Social Forces.* — 1996. — **74.** — P. 1405–1418.
9. *Gutierrez R.* Unregulated Work and its Effects on Personality: An Inquiry into the Impact of Social Structure / Ph. D. dissertation, Johns Hopkins University, Baltimore (MD), 1995.
10. *Schooler C., Kohn M.L., Miller K.A., Miller J.* Housework as Work // *Kohn M.L., Schooler C.* Work and Personality: An Inquiry into the Impact of Social Stratification. — Norwood (NJ), 1983. — P. 242–260.
11. *Miller K.A., Kohn M.L., Schooler C.* Educational Self-Direction and the Cognitive Functioning of Students // *Social Forces.* — 1985. — **63.** — P. 923–944.
12. *Miller K.A., Kohn M.L., Schooler C.* Educational Self-Direction and Personality // *American Sociological Review.* — 1986. — **51.** — P. 372–390.
13. *Kohn M.L., Slomczynski K.M., Janicka K., Khmelko V., Mach B.W., Paniotto V., Zabrowski W., Gutierrez R., Heyman C.* Social Structure and Personality under Conditions of Radical Social Change: A Comparative Analysis of Poland and Ukraine // *American Sociological Review.* — 1997. — **62.** — P. 614–638.
14. *Kohn M.L.* Job Complexity and Adult Personality // *Themes of Work and Love in Adulthood* / Ed. by N.J. Smelser, E.H. Erikson. — Cambridge (MA), 1980. — P. 193–210.
15. *Williams R.M., Jr.* *American Society: A Sociological Interpretation* / 3rd ed. — New York, 1970.

16. *Kohn M.L.* Doing Social Research Under Conditions of Radical Social Change: The Biography of an Ongoing Research Project // *Social Psychology Quarterly*. — 1993. — **56**. — P. 4–20.

17. *Kohn M.L.* Cross-National Research as an Analytic Strategy: American Sociological Association, 1987 Presidential Address // *American Sociological Review*. — 1987. — **52**. — P. 713–31.

18. *Schooler C., Mulatu M.S., Oates G.* The Continuing Effects of Substantively Complex Work on the Intellectual Functioning of Older Workers // *Psychology and Aging*. — 1999. — **14**. — P. 483–506.

19. *Miller J., Schooler C., Kohn M.L., Miller K.A.* Women and Work: The Psychological Effects of Occupational Conditions // *American Journal of Sociology*. — 1979. — **85**. — P. 66–94.

20. *Coser R.L.* The Complexity of Roles as a Seedbed of Individual Autonomy // *The Idea of Social Structure: Papers in Honor of Robert K. Merton* / Ed. by L.A.Coser. — New York, 1975. — P. 237–263.

21. *Kohn M.L.* Social Structure and Personality under Conditions of Apparent Social Stability and Radical Social Change // *Power and Social Structure: Essays in Honor of Włodzimierz Wesolowski* / Ed. by A. Jasinska-Kania, M. L. Kohn, K. Slomczynski. — Warsaw, 1999. — P. 50–69.

22. *Kohn M.L., Slomczynski K.M., Schoenbach C.* Social Stratification and the Transmission of Values in the Family: A Cross-national Assessment // *Sociological Forum*. — 1986. — **1**. — P. 73–102.

23. *Miller J., Slomczynski K.M., Kohn M.L.* Continuity of Learning-Generalization: The Effect of Job on Men's Intellectual Process in the United States and Poland // *American Journal of Sociology*. — 1985. — **91**. — P. 593–615.

24. *Mortimer J.T., Lorence J., Kumka D.S.* Work, Family, and Personality: Transition to Adulthood. — Norwood (NJ), 1986.

25. *Schooler C.* Psychological Effects of Complex Environments during the Life Span: A Review and Theory // *Intelligence*. — 1984. — **8**. — P. 259–281.